
Анна ВСЕВОЛОДОВА

РАССУЖДЕНИЕ О ТОМ, КАКИЕ ВЫМЫСЛЫ К ПЕРЕПИСЫВАНИЮ ИСТОРИИ БЫВАЮТ УПОТРЕБЛЯЕМЫ

Образ министра Артемия Петровича Волынского неоднократно привлекал внимание историков и романистов, за без малого три века о личности и деятельности его было высказано множество самых противоречивых суждений, именно это обстоятельство следует особо подчеркнуть — «противоречивыми» можно назвать свидетельства, касающиеся имени министра, а не черты его личности. Противоречие это объясняется тем, что в связи с опалой множеству сплетен и ложных обвинений в адрес подсудимого в целях его дискредитации был предан официальный, весомый вид. Впоследствии в зависимости от политических нюансов и представлений современного им общества писатели использовали материалы доносов как не подлежащие сомнению факты. Последнее замечание касается не только лиц, по тем или иным причинам сознательно очерняющих образ министра, но и симпатизирующих последнему и невольно разделяющих общепринятое заблуждение.

Аккредитованные дипломаты, находящиеся в Петербурге весной 1740 года, доносили своим дворам самые нелепые толки о политических планах министра, в обществе носились истории, рисующие его жестоким, корыстным человеком, а вскоре чиновник Тайной канцелярии с помоста эшафота, приготовленного для казни А. П. Волынского и его друзей, громогласно зачитывал длинный перечень «злодейских вин и намерений» осужденных. С течением лет обстоятельства жизни героя аннинского царствования трактовались с большей или меньшей бесцеремонностью.

Нужно было обладать гением великого русского писателя и историка Лажечникова И. И., чтобы уметь отличить главное от поверхностного, ложь от правды. Немало документального исторического наследия доносят нам произведения других романистов: Полежаева, Писемского, Авенариуса и иных, но не кто другой, как Лажечников, дал почувствовать, изобразил силою самобытного русского слова, восхитившей даже

Анна Всеволодовна Всеволодова родилась в 1971 году в подмосковном городе Дубне. Получила техническое образование в области макроэлектроники и работала в Объединенном институте ядерных исследований. С детства интересовалась отечественной историей, изучала архивные источники, мемуары. В 2018–2019 годах опубликовала в издательстве «Алетейя» книги «Портрет неизвестного с камергерским ключом», «Воспоминания Дитрихманна: В сем умереть готов», «Записки Джона Белла, шотландца, исполняющего должность врача при русском посольстве в Персию, прежде неизданные», «Приди сюда, о Росс, свой сан и долг узнать», «Впрочем, неважно», «Нерасстанное», «Эдельвайс», «Черный гукер». С 2003 года живет в Женеве.

такого взыскательного критика, как А. С. Пушкин, душевный масштаб и благородство своего героя. Причем художнику удалось достичь исторической правдивости во многом интуитивно, не имея возможности познакомиться с рядом доступных теперь сведений. То, что Лажечников предвидел и угадал в герое популярнейшего некогда романа «Ледяной дом», ныне должно знать всякому русскому человеку, равнодушному к отечественной истории, и уже не как гениальную фантазию романиста, но как бесспорную историческую истину. В своем месте мы вернемся к имени Лажечникова и его роману. А теперь постараемся с помощью историков прежних лет: Готье, Зезюлинского, блестящего востоковеда советского периода Бушуева, новых: Петрухинцева, Лаврентьева — дать верную картину событий и лиц интересующей нас эпохи.

Артемий Петрович Волынской родился в 1689 году, в дворянской семье. По некоторым историческим источникам, это событие произошло в Москве 2 ноября по новому стилю. Род Волынских берет начало от славного князя Боброк-Волынского, героя Куликовской битвы, и родной сестры князя Дмитрия Донского Анны. Князь командовал засадным полком, своевременный натиск которого решил исход сражения в пользу русских. В числе предков Артемия Петровича имеется и прославленный святой — игумен Троицкого Клопского монастыря Михаил, канонизированный в 1547 году. По традиции своего времени в 15-летнем возрасте Артемий Петрович вступил в военную службу простым солдатом. Он принимал участие в Северной войне России со Швецией, участвовал во многих сражениях, в том числе и в Полтавской битве. Его мужество было отмечено командирами и самим Петром Великим. В 1712 году Артемий Петрович отправляется с посольской миссией в Турцию. Государственный деятель и дипломат П. Шафиров просит о награждении «нарочитого молодца» Волынского, который «терпит с нами общий страх» — заточение в турецкую темницу, куда были брошены все лица русского посольства. Турецкая сторона, угрожая физической расправой, пыталась оказать давление на русских дипломатов, вынудить их к уступкам, невыгодным Российской империи. Столкнувшись с мужеством патриотов, дипломаты Османской Порты сами должны были отступить. Уверившись в высоких способностях Волынского, царь Петр поручил ему возглавить посольство в Персию. Благодаря таланту и настойчивости Артемия Петровича ему удалось основать первую русскую консульскую службу в Персии, заключить выгодные для российской торговли соглашения, начать переговоры о строительстве православных храмов в мусульманских государствах. Деятельность русского посольства проходила в очень непростых условиях. Несколько раз Артемию Петровичу грозила участь другого русского дипломата — Грибоедова, растерзанного толпой фанатиков в Персии же. На русского посланника оказывалось жесточайшее давление посредством самых разнообразных мер: от предложения крупных взяток до блокады посольства, приведшей к голоду и болезням его людей, от лести и лжи до угроз физической расправы и отмены прежде согласованных решений. Артемий Петрович проявил удивительные присутствие духа, принципиальность и государственный ум, позволившие ему ни в чем не уронить чести государя и интересов русской дипломатии. За эти и иные заслуги Волынскому было поручено губернаторство в Астрахани и затем в Казани. В обеих губерниях Артемий Петрович неустанно трудился, заботясь о благополучии жителей и всего края: искоренял нищету, безграмотность, грубость нравов, учреждал школы, прокладывал дороги, закрывал притоны и кабаки, боролся с разбоем и административными не порядками. В 1725 году губернатор пишет сочинения назидательного характера: «Об управлении деревень», «О десяти Божьих заповедях» и другие. Всю жизнь Артемий Петрович неукоснительно жертвовал часть своих доходов на дела милосердия: устраивал школы, больницы, украшал церкви, содержал больных, увечных, сирот, вдов и престарелых, ра-

зыскивал и оплачивал обучение талантливых самородков из народной среды. Между тем сам он постоянно нуждался в деньгах и входил в долги, не получая вовремя жалованья и вынужденный следовать требованиям усиливающейся роскоши двора. Кроме забот о собственном семействе, наравне с детьми губернатора в доме его воспитывались бедные родственницы. Меры, принятые деятельным чиновником, в короткий срок значительно изменили ход дел в губернии, изменили жизнь людей, ее населяющих. Артемий Петрович был пожалован в генерал-адъютанты. Быстрое возвышение талантливого политика вызвало зависть и озлобление некоторых людей из окружения государя.

Ярким примером тому, как министру создавалась негативная репутация, служит дело откупщика Турчанинова, которое излагает в своей книге «Артемий Волынский» историк Игорь Курукин: «Следователи установили многочисленные прегрешения откупщика: он получил право на торговлю за подозрительно низкую сумму, завел собственные „неуказные“ (построенные без разрешения) винокуренные заводы и питейные дома, в которых использовались «неправедные» ведра и прочие водочные меры. К июню комиссия насчитала, что с Турчанинова надлежит взять в казну 47 753 рубля, и начала их с него „править“; в сентябре Волынский (тогда казанский губернатор. — А. В.) доложил о взысканных десяти тысячах рублей, а в октябре — уже о 37 тысячах (за Турчанинова поручились богатые солепромышленники Строгановы). Однако в то же время многие челобитчики не явились для повторной дачи показаний; по некоторым обвинениям Турчанинов отговаривался неведением либо объявлял, что виновные в злоупотреблениях приказчики бежали. Дело закончилось к всеобщему удовлетворению: по представлению самой комиссии в марте 1733 года Турчанинов был милостиво прощен и отпущен домой для сбора оставшихся денег; полученные с него десять тысяч рублей были пожалованы самому Артемию Петровичу на нужды Копытенной канцелярии, которую он к тому времени возглавил.

Эта довольно обычная служебная история имела неожиданное продолжение. Когда в 1740 году сам Волынский был обвинен во множестве преступлений, в Петербурге ходили слухи о том, что он „...лишил жизни и имущества купца Турчанинова... основателя больших железных заводов и фабрик поблизости от Казани“. Алчный губернатор якобы потребовал от него 20 тысяч рублей, обвинил промышленника в невыполнении своих обязательств перед казной, схватил его и держал в подвале своего московского дома, пока не получил деньги. Говорили, что Волынский, опасаясь, что вымогательство будет раскрыто, отравил Турчанинова, а сын несчастного, узнав о судьбе отца, умер от страха. Эта записанная в изложении саксонских дипломатов неправдоподобная история показывает, как опальному министру создавалась негативная репутация».

Вопреки расхожему мнению, попавшему даже в энциклопедии, царь Петр Великий подвергнул Артемия Петровича наказанию отнюдь не за взятки, в которых тот никогда не был повинен. Неприятная сцена между астраханским губернатором Волынским и царем произошла вследствие наущничанья Апраксина и Толстого, стремящихся переложить всю вину за неудачи Персидского похода на Артемия Петровича. Переписка с царем 1723 года, наполненная подробнейшими хозяйственными отчетами и донесениями по всем пунктам обвинения, не оставляет места для кривотолков. Итогом разбирательства можно считать слова Екатерины I из письма к губернатору Волынскому: «по докладам армейских чинов (Апраксина и Толстого) были на вас сомнения, но доносители были признаны неправыми». Опала 1730 года, когда Артемий Петрович Волынский был отрешен от должности казанского губернатора, также результат интриг. Противники Артемия Петровича сохранили свои позиции, в их руках находились учреждения с «к следствию надлежащими делами и справками,

а в моих руках того ничего не будет... какой же это будет правый розыск? Понеже что надобно, того будет и сыскать негде... всяк будет думать что я отрешен за вину какую» (из письма казанского губернатора Волынского). Так и случилось, мнение, будто за губернатором существует «вина», приняло официальный характер и бытует по сию пору. Артемий Петрович, уверенный в своей правоте, просил беспристрастного расследования его «злоупотреблений» в Казани или даже «следовать в Москве», но стараниями своих недругов не успел в этом законном желании. На совет М. Г. Головкина, предлагавшего как выход из ситуации женитьбу на родственнице императрицы Салтыковой, находившийся под домашним арестом Волынской отвечал: «...мне, по мнению моему, душа моя и честь милее, нежели весь свет, для того хочу с совестью умереть, нежели последнюю половину века моего со стыдом и беспокойством совести моей доживать». 1730 год был тяжелым испытанием в жизни Артемия Петровича: он похоронил любимую жену, на руках у него осталось трое детей-сирот, он был объявлен под судом. Но время мученической кончины Артемия Петровича еще не настало. Новым повелением он был назначен в действующую армию в Польшу, вместе с фельд-маршалом Минихом участвовал в боевых действиях. Затем Артемий Петрович возглавил комиссию о разведении конских заводов, по сути, подготовил появление собственной русской породы лошадей, что позволило значительно повысить боеспособность русской армии, сэкономить русской казне миллионы рублей, требующихся на покупку иностранных лошадей. Именно Артемию Петровичу обязаны мы появлением первого в России исторического музея — «мемории Куликовской битвы». Экспонаты для музея тщательно разыскивались, об одном из них, которым Артемий Петрович дорожил особо и который сыграл роковую роль в трагической судьбе хозяина, следует рассказать подробнее, коснемся и истории создания самого музея, расположенного в доме А. П. Волынского в Петербурге.

В составленной по указанию императора Николая I графом Д. Н. Блудовым «Записке об Артемии Волынском» (1831) отмечено, что кабинет-министр «хранил у себя найденную на Куликовом поле саблю, к которой сделал... надпись», желая оставить ее детям на память участия их родоначальника в Куликовской битве. Изданная более четверти века спустя «Записка» стала первой публикацией с упоминанием находки. Лист с рисунком надписи, выполненной Еропкиным П. М., был предъявлен следователями императрице Анне Иоанновне, которая «соизволила отдать им, генералу и тайному советнику (руководителям следствия Ушакову и Неплюеву) для сообщения к делу, понеже о том (преступных умыслах А. П. Волынского)... О сабельной полосе... по оному делу явствует... И оной рисунок сабельной полосе... сообщен к сему».

Таким образом, рисовка сабли по воле императрицы стала «вещественным доказательством» в деле кабинет-министра. В начале прошлого века Н. П. Павлов-Сильванский воспроизвел «криминальную» надпись на прорисовке сабли. Одна сторона сабли, как выяснил исследователь по документам следствия, была отшлифована для нанесения надписи, последняя же вроде бы так на оружие перенесена и не была. Итак, рисунок из следственного дела являет собой эскиз неосуществленного замысла Волынского, призванного придать находке с Куликова поля мемориальный характер. Все известные ныне сведения о предметах вооружения, найденных на месте Куликовской битвы, относятся только к XIX веку, и саблю, хранившуюся в петербургском доме А. П. Волынского, должно считать старейшей документированной реликвией «Донского побоища». Надо сказать, что сам клинок, возможно, и не имеет прямого отношения к Куликовской битве. Прорисовка, сделанная в размер оригинала, представляет сабельную полосу без верхней части, форма и размеры которой заставляют подозревать, что оружие относится к более позднему времени. Среди образцов вооружения, найденных в XIX ве-

ке на Куликовом поле, таковые попадались неоднократно: здешние места в XVI—XVII веках не раз становились районом как боестолкновений с крымскими татарами, так и сражений эпохи Смутного времени. Но в исторической памяти современников А. П. Волынского и его самого Куликово поле ассоциировалось с единственным сражением — Мамаевым побоищем XIV века, поэтому неудивительно, что иные датировки найденного оружия даже не приходили в голову. Судьи постарались выяснить, каким образом сабля с Куликова поля попала в дом кабинет-министра, очевидно рассчитывая поймать подследственного на лжи, а легенду о происхождении сабли считая его выдумкой, преследующей политические цели. Но нашлись те, кто знал о происхождении сабли все буквально в деталях, и прежде всего, разумеется, сам кабинет-министр. Допрошенный в том числе по поводу сабли, А. П. Волынской показал, что «наперед сего слышал он... что на Куликовом поле, где была с Мамаем баталия, находятся тогдашнего времени ружье (оружие) и прочие нетленные вещи, которые из земли выпаживают временно (время от времени) и доньне. И так он... в 1732-ом году для осматривания конюшенных заводов был в городе Богородицком, который близко онаго Куликова поля имеется, и в то де время в том городе при конюшенных заводах был управитель Яков Суровцов, которой ему объявил, что такие ружья находятся. И он де (Волынской) просил его (Суровцева), ежели такую целую вещь найдет, чтоб прислал к нему». «Найденные на оном поле тесак да медная чернильница... имеются у него ныне в Санкт-Петербурге в доме, на котором тесак намерен он был... надпись написать в таком... виду, что... родственник его... Дмитрий Волынец на означенном поле на баталии был с пришедшим... вспомогательным войском, которой (тесак) почитал он... за диковинку и хотел оной с тою надписью оставить для памяти детям своим». Гордясь обретенной реликвией, Волынской «всегда публично... казывал саблю старинную всем, которая найдена на Куликовом поле и прислана от управителя Суровцева с тех мест... которой управителем... бывал в волостях». Город Богородицк, основанный в 1663 году в верховьях Дона «верх речки Уперты», в Дедиловском уезде, находился всего в 20 верстах от Куликова поля. С начала XVIII века здесь действовал казенный конный завод, подведомственный Конюшенной канцелярии, отданной в управление будущему кабинет-министру в 1732 году, в связи с чем последний и предпринял в этом году поездку по конским заводам, включая Богородицкий. В дальнейшем конское поголовье Богородицкого завода выросло с 14 жеребцов в 1732 году до 262 в 1739 году, превратившись стараниями А. П. Волынского в процветающее предприятие.

Из показаний кабинет-министра понятно, что находки вооружения делались на Куликовом поле и до его приезда в 1732 году в Богородицк. На допрос в следственную комиссию был вызван подчиненный А. П. Волынского по Конюшенной канцелярии секретарь П. Муромцев. По поводу сабли секретарь показал, что кабинет-министр действительно получил реликвию Куликовской битвы «из города Богородицкого от управителя мазора Якова Суровцева выпажанную на Куликовом поле... а ныне то поле пашут богородицкие крестьяне». Артемий Петрович послал в город Богородицк к управителю подпоручику Потресову ордер, в котором писал, «чтоб объявить тамошним крестьянам, ежели кто из них на Куликовом поле будут находить некие старинные всякие вещи, бердыши, сабли и прочее, чтоб то находимое объявляли ему, Потресову, а он бы... приняв от них то находимое, платил бы на того Волынского счет за каждую вещь по пяти рублей и присылал оное к нему... а он по получении платить будет деньги». Подтверждая слова П. Муромцева, аналогичные показания следствию дали другой секретарь Конюшенной канцелярии В. Гладков и адъютант кабинет-министра И. Родионов. Сабля через служащих Конюшенного ведомства была уже после отъезда А. П. Волынского из Богородицка переправлена в Москву, где размещалась Коню-

шенная канцелярия; из старой столицы в Петербург, в дом кабинет-министра ее перевез некий офицер, присланный А. П. Волынским специально за саблей в Москву. Как видим, последнего не просто живо интересовала мемория Куликовской битвы. Кабинет-министр был готов платить деньги, и немалые, за другие находки, которые будут сделаны на месте сражения. Пять рублей для эпохи Анны Иоанновны составляли весьма серьезную сумму. Ежегодная подушная подать для всех категорий крестьян равнялась 74 копейкам с души мужского пола, и кроме нее, богородицкие крестьяне, приписанные к Коношенной канцелярии, платили ежегодно еще, как черносошные, 40 копеек. Следовательно, установленное А. П. Волынским вознаграждение за каждую находку почти пятикратно превосходило ежегодный государственный налог, платившийся местными крестьянами! Для того чтобы нам по достоинству оценить личность министра Волынского, следует отметить, что после казни его сабля, как и прочее имущество «государственного преступника», была описана комиссией комиссара Федора Лопухина в бытности его у приема и у приготовления к продаже описанных пожитков, оценена в один рубль и осенью 1740 года выставлена на торги. Покупателя на драгоценную для Артемия Петровича реликвию так и не нашлось, несмотря на то что среди посетителей аукциона и приобретателей конфискатов были, например, историк В. Н. Татищев, князья Трубецкие и Волконские. В итоге саблю отослали назад, в Тайную канцелярию, с припиской в «Щетной ведомости» «по оценке безденежно». Этот факт еще раз говорит нам о том, что Артемий Петрович не просто был человеком своего времени, он был творцом своего времени — века Просвещения, сильнее и острее многих своих современников, кончивших курсы лекций европейских университетов (сам Артемий Петрович такой возможности не имел, отдав молодость государевой службе), понимал необходимость всеобщего образования представителей всех сословий русского общества, предлагал ряд мер, направленных к этой цели. Меры эти в урезанном виде были реализованы последующими поколениями русских просветителей.

Дальнейшая судьба старейшей реликвии Куликова поля неизвестна. Парадоксальная ситуация — учредитель первого русского музея не имеет собственного! Не настала ли наконец пора почтить его память должным образом — основав музей, посвященной его личности и служению.

Государственный ум и сердце патриота не позволяли Артемию Петровичу оставаться равнодушным к бедственному положению русских интересов в царствование императрицы Анны Иоанновны, пренебрежению к пользе вскормившего их отечества возвысившихся лиц немецкой нации. Одновременно с производством в министры он становится во главе группы русских патриотов, объединивших лиц из разных слоев общества от архиереев и сенаторов до младших офицерских чинов и секретарей, всего более 30 человек. Под руководством Артемия Петровича с ведома императрицы разрабатывался проект о «поправлении государственных дел», о котором можем судить лишь по сохранившимся фрагментам. Тем не менее его прогрессивный просветительский характер, меры, направленные на то, чтобы русские имели привилегии в собственном отечестве, не вызывают сомнений. Артемий Петрович полагал излишним усиление военной мощи России за счет устройства внутренних ее дел, хотел заполнить пустующие земли свободными земледельцами, установить правовое и «прозрачное» административное управление, обязательное академическое образование духовенства, поднять общий культурный уровень всех сословий, не исключая крестьянского, для чего открыть ряд университетов. Беспокоило его и печальное состояние русского монашества, реформы, предполагаемые Волынским А. П., должны были укрепить положение монастырей и облегчить вступление на путь иночества для всех желающих, что до некоторой степени расходится с петровским курсом, оставляющим такую возможность

преимущественно для пожилых людей и увечных. Яркая личность министра и его деятельность вызвала ожесточенное политическое сопротивление, осуществлявшееся, как было принято говорить тогда, «силою персон». Об этом трагическом противостоянии и о некоторых пунктах государственного проекта Артемия Петровича поговорим подробнее.

Завязавшаяся при дворе двухлетняя (весна 1738—весна 1740) закулисная борьба прошла в своем развитии, по меньшей мере, три фазы.

Первая (май—октябрь 1738) была связана с сопротивлением первому проекту пока еще частичной приватизации казенных металлургических заводов, инициированному генерал-берг-директором Шембергом при поддержке Бирона. Этот проект отдавал в наследственную собственность лицам немецкой нации стратегически важные для государства горные заводы и месторождения. Если бы даже А. П. Волынский не принес отечеству никакой иной пользы, кроме борьбы против этого проекта, одна она уже стоит благодарной памяти, музея и памятника. Уже на этом этапе произошло заметное охлаждение отношений между герцогом Бироном и Волынским.

Вторая (зима—весна 1739) ознаменовалась лишь частичными успехами Бирона, сумевшего реализовать первый «приватизационный проект» Шемберга и создавшего почву для приватизации всей уральской государственной металлургии, но потерпевшего поражение в своих династических планах — проекте женитьбы сына Петра на фактической наследнице престола — племяннице Анны Иоанновны принцессе Анне Леопольдовне.

Третья (лето 1739—весна 1740) была отмечена прямым столкновением Волынского с Остерманом и завершилась сплочением так называемой «немецкой» придворной группировки против кабинет-министра, заявившего именно в тот момент о претензиях на формулирование самих основ внутривластного курса страны. Результатом стало «дело Волынского», устранение его с политической сцены, мучение в застенках крепости, убийство и дискредитация его имени и деятельности.

Сама «завязка» первой фазы дворцовой интриги, последовавшая сразу после назначения в апреле 1738 года Волынского кабинет-министром, ставит под сомнение укоренившееся представление, что своим возвышением он был обязан исключительно Бирону, искавшему противовеса против влияния Остермана — мнение, основанное на суждениях врагов министра Волынского А. П. Уже через месяц после назначения он перестал оправдывать надежды курляндского герцога.

Во-первых, Бирон не получил ожидаемой поддержки в вопросе о передаче в частные руки казенных металлургических заводов. Подготовленный еще до конца мая 1738 года доклад кабинет-министров отверг выдвинутый в начале 1738 года Шембергом проект приватизации открытых на Белом море «лапландских» месторождений серебряной и медной руды и строящихся В. Н. Татищевым на Урале Гороблагодатских казенных железных заводов.

Во-вторых, Волынский начал атаку против руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Н. Ф. Головина — сына одного из самых талантливых сподвижников Петра Ф. А. Головина. Однако Н. Ф. Головин, очевидно, не унаследовал его выдающихся способностей, сделал карьеру преимущественно в дипломатическом ведомстве, руководимом Остерманом. Оттуда он и был назначен в 1732 году руководителем Адмиралтейской коллегии, обойдя нескольких опережавших его рангами, старшинством и заслугами адмиралов. Ф. И. Соймонов прямо называл Головина креатурой не Остермана, а Бирона. Атаке на Головина способствовал и личный конфликт Волынского с ним, вызванный тем, что Головин в 1737 году присвоил 10 тыс. рублей, выданных Адмиралтейству Конюшенной канцелярией в счет займа, взятого ее руководителем Волынским у флот-

ского ведомства на покупку лошадей в Башкирии. Этой некрасивой финансовой комбинации Головина способствовало отсутствие Артемия Петровича, отправленного на Невский конгресс. В конфликт оказался вовлечен и Соймонов, заставивший Головина осенью 1737-го вернуть деньги, но не сумевший предотвратить свою публичную ссору с адмиралом и огласку дела, дошедшего до государыни, у которой Головин едва умолил на коленях прощение. Этот конфликт способствовал дальнейшему сближению Волынского с одним из своих главных «конфидентов»: атака на Головина была начата финансовой ревизией флотского ведомства по предложению Соймонова, заслушанному в Сенате 29 мая 1738 года (то есть буквально в те же дни, когда Кабинет министров при горячем участии Волынского А. П. отклонил первый шемберговский план приватизации металлургии). Подобное совпадение не позволяет представить атаку на Головина лишь следствием случайного личного конфликта, оно свидетельствует о том, что по интересам Бирона уже в мае 1738-го был нанесен двойной удар: независимо от намерений своих противников, в случае успеха интриги он лишился не только ожидаемой прибыли от заводов, но и контроля (через Головина) над военно-морским ведомством запирающими выход в Финский залив линейными кораблями и расквартированными в самом Петербурге и Кронштадте более чем 10 тыс. матросов.

А. П. Волынской, конечно, не был орудием в этой интриге. Он не мог не осознавать ее последствий и не видеть явного неудовольствия Бирона. О его активной, принципиальной позиции свидетельствует и дальнейший ход интриги, которая продолжала нарастать и достигла кульминации за год до «петергофской записки», в августе 1738 года.

Созданная указом императрицы 31 мая 1738 года (всего через два дня после рассмотрения соймоновского предложения о флотской ревизии и вскоре после получения негативного для Бирона мнения кабинет-министров о заводах) особая комиссия о заводах, переданная 2 июня 1738 года под управление брата фельдмаршала барона Х. В. фон Миниха пришла к выводу о целесообразности их передачи в частные руки. Но в докладе 1 августа 1738 года она снова отвергла шемберговский вариант приватизации лапландских заводов, фактически повторив и углубив аргументацию майского доклада кабинет-министров. Это была новая победа министра Волынского, новое доказательство настойчивости проводимого им курса. Бирон снова потерпел ощутимое поражение, несмотря на то что Шемберг открыто заявлял о его поддержке (Соймонов утверждал: «...а порукою по себе написал известного герцога Курлянского графа Бирона...»). Для времени царствования Анны Иоанновны, в атмосфере постоянного страха «слова и дела», нужно было иметь поистине удивительные мужество и принципиальность для столь острой борьбы с временщиком!

Почти в то же время по позициям Бирона был нанесен и второй удар.

Флотская ревизия, начатая внезапной проверкой комиссии, состоящей из сенатора В. Я. Новосильцева, президента Ревизион-коллегии А. И. Панина и сенатского обер-прокурора Ф. И. Соймонова, выявила не возвращенные Н. Ф. Головиным в течение пяти лет займы 40 тыс. рублей у ведавших финансами подчиненных ему флотских офицеров. Даже сам Головин, жаловавшийся уже после падения А. П. Волынского на «неправедную» ревизию, признал факт заимствования им по векселям 25 тыс. рублей из флотских сумм. Волынской практически уже исходатайствовал у императрицы указ о предании адмирала воинскому суду. Соймонов «тот указ у Волынского видел и думал, что на другой день он государыней подписан будет». Но возможная отставка Головина, судя по сообщениям Соймонова, практически совпала с негативным для Бирона решением комиссии о заводах. Разъяренный фаворит, «получа такое укорочение ему поношением», прямо направился на приморский двор своего старого опаль-

ного протееже (уже более месяца под предлогом болезни никуда не выезжавшего — и это в тяжелейший период русско-турецкой войны, когда в Очакове умирал от чумы его подчиненный, получивший в отличие от Головина адмиральский ранг еще при Петре I Н. А. Сенявин) и обещал адмиралу полную помощь и поддержку.

Решающие события развернулись на следующий день. Когда Артемий Петрович подал, минуя Бирона, на подпись императрице уже заготовленный указ о суде над Головиным, обер-камергер, «взяв оной у Государыни из рук, бросил Волынскому в глаза, упрекая его, что он неправильно подает на графа Головина, а он де человек честной и доброй». Изумленный Соймонов уже в следующий воскресный день, будучи с визитом у императрицы в Петергофском дворце, видел, как адмирал из ее покоев «вышел в залу в веселом виде», а потом «мало-помалу с помощью своего патрона Бирона пришел в прежнюю свою силу».

Но даже открытая демонстрация ярости фаворита не остановила министра Волынского. Ход всей борьбы с самого ее начала свидетельствует о его активной и принципиальной позиции и тем самым заставляет сомневаться в его «черной неблагодарности» и обязанности его своей карьерой «исключительно» Бирону, как стремятся представить иные историки.

Ранние стадии карьеры А. П. Волынского протекали в конюшенном ведомстве под руководством не менее влиятельного, чем Бирон, умершего в 1735 году К. Г. Левенвольде. Последний был порой весьма откровенен с будущим кабинет-министром, ибо неоднократно высказывался при нем о негативных сторонах характера Остермана и даже сообщал Волынскому об остермановских попытках настроить и сплотить «немецкую» придворную группировку против русских вельмож, «оной граф Остерман говорил им (Ягужинскому и Левенвольде), что многие русские люди иностранцев не любят...» и пр. Возможно, первые шаги в приближении к особе императрицы А. П. Волынской сделал уже тогда. Кроме того, с 1736 года он был обер-егермейстером, отвечавшим за организацию охот, входивших в число любимых забав императрицы (что обеспечивало устойчивый контакт с ней), и его возвышение могло объясняться личными симпатиями Анны Иоанновны в сочетании с определенной поддержкой близких к императрице русских вельмож, которые явно или неявно поддерживали Волынского и в дальнейшем, что также противоречит современному взгляду на события тех лет. Несомненно, пусть не вполне и не во всех своих членах сознающая себя национальной силой, русская партия существовала. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо на протяжении очень долгого времени саму идею возможности русской партии ставили под сомнение, а образ русских сановников того времени старались представить как разрозненное сообщество людей невежественных, грубых, лишенных каких-либо убеждений, — словом, таких лиц, которые немногим лучше животных и для которых немецкое ярмо — сущее благодеяние. В связи с этим очень любопытна трилогия Василия (Вильгельма) Авенариуса (немца по рождению!) «Бироновщина. Два регентства», его взгляд никак не может быть назван предвзятым. Станным кажется убеждение некоторых современных историков в «сгущении красок» при описании ужасов «бироновщины» — убеждении, основанном на цифрах числа казненных, подвергшихся репрессиям в эти годы. По воспоминаниям современников (например, Болотова, Аксакова, отец последнего был избит палками до полусмерти по вздорному нраву старшего по чину немца), для истязания ни в чем не повинных русских людей заведения судебных дел и не требовалось. Командир-немец при любом конфликте, не разбирая дела, держал сторону своих единоплеменников, не скрывая, что «русским канальям» никогда не поверит, и не скупясь на жестокие наказания. Немцами в ту пору были почти все командиры, а исключения только подтверждали правило. Прообразы продразвер-

сток — вооруженные отряды, взимающие недоимки с малоимущих крестьян, рыскали по деревням.

В этой атмосфере перспектива женитьбы сына Бирона на Анне Леопольдовне не просто была неприятна русским вельможам (это откровенно обсуждали Волынской и Черкасский), она грозила бедой всему русскому обществу. Но два министра вряд ли сумели бы одни оказать решительное противодействие. Влияние А. П. Волынского продолжало укрепляться и в последующие месяцы — в ноябре—декабре 1739 года. Результат не замедлил сказаться как в истории знаменитого «Генерального проекта» Волынского, так и в конкретных внутриполитических акциях последующего периода. Вряд ли стоит устанавливать непосредственную связь проекта с набросками несколько отвлеченных записок по политическим и этическим вопросам. Артемий Петрович обладал большим писательским талантом и любил на протяжении всей жизни составлять сочинения на тему самых разных материй. Проект, над которым работали Волынской и его «конфиденты» в конце 1739 — начале 1740-го, скорее всего, имеет иные истоки. Не исключено, что толчком для него послужил отданный императрицей «около Рождества 1739 г. особый приказ для сочинения некоторого проекта, дабы ученье в России распространить и завести академии для обучения священников и секретарей», известный по показаниям Еропкина. Работа над этой запиской могла подтолкнуть министра Волынского к осмыслению более общих проблем внутренней политики. Закончившаяся русско-турецкая война завершила период «экстраординарной» военной политики и поставила вопрос об основах мирного внутриполитического курса страны, потребовав формулировки «послевоенной» внутриполитической программы.

А. П. Волынской, талантливейший политик, к тому же претендовавший к этому времени на роль лидера в правительстве, ранее других уловил эту потребность, что и привело к появлению его знаменитого проекта.

Исследователи отмечали, что еще до начала работы над «Генеральным проектом» Волынской уже набрасывал записку-трактат о важнейших государственных проблемах, но позднее (вероятно, попав в опалу) уничтожил ее. Артемий Петрович делился некоторыми проектами с императрицей и получил ее одобрение, все участники дела показывали, что Волынской говорил об этом.

О легальном характере проекта говорят и сами обстоятельства его составления.

Работа над ним шла открыто, к оформлению и редактуре его отдельных частей привлекались государственные чиновники различных рангов: от капитана флота и руководителя уральской металлургии Хрушова, архитектора П. М. Еропкина, секретаря Иностранной коллегии дела Суды, работавшего у Волынского над черновиками проекта неделю после нового 1740 года с позволения своего начальника Бреверна, бывшего обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонова до секретарей Военной коллегии П. Ижорина и Демидова, фактически подготовивших текст записки по военным вопросам. В нем использовалась документация государственных учреждений; черновые редакции различных частей проекта читались и обсуждались (помимо указанных лиц, личного секретаря императрицы Эйхлера и президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина) сенаторами А. Л. Нарышкиным и В. Я. Новосильцевым, а также Я. П. Шаховским. Кроме того, чрезвычайно демократичный, простой уклад отношений в доме министра, особенности прямого характера последнего делали слушателями, участниками обсуждения и даже критики его сочинений младших офицеров, дворецкого, некоторых слуг, секретарей, дочерей. Свидетельства полемики Артемия Петровича с младшими подчиненными, да еще на тему своего любимого сочинения — выстраданного проекта, рисует нам его неревнивым, очень терпимым писателем и снисходительным начальником.

А. П. Волынской желал свести все части обширного проекта в единую систему, оформленную в виде одного документа «наподобие книги». Хрущов (в основном занимавшийся систематизацией текста проекта и подбором «пункта к пункту») «поправления и дополнения чинил... 3 месяца», то есть примерно с января 1740 года, что подтверждает датировку начала работы над проектом примерно декабрем 1739 года. «Флотскую» его часть фактически писал Соймонов.

Вероятно, готовая работа предназначалась к подаче императрице после завершения празднеств по случаю мира и начала перехода к «мирному курсу» в развитии страны (она даже формально начиналась «Приношением Ее Величеству», «...к тому же и пишет он по повелению Ее Императорского Величества»). К моменту ареста Волынского работа была далеко еще не закончена. Но, как известно, тексты проекта до сих пор не обнаружены (их не оказалось в самом деле, по сведениям из которого «проект и к тому некоторые непристойные оного Волынского рассуждения» были собраны Ушаковым и Неплюевым в один пакет и запечатаны). Однако примерное его содержание добротнo реконструировано Готье по показаниям на следствии участников «дела Волынского». «Генеральный проект» распадался на шесть частей, охватывающих в совокупности почти все основные сферы внутренней политики — от сословной политики и организации центрального государственного управления до изменений в составе и структуре вооруженных сил и вопросов развития торговли.

К Сенату, видимо, должна была перейти часть функций Кабинета; кроме того, предусматривался контроль выросшего численно Сената за местной администрацией (ежегодные инспекционные поездки сенаторов по губерниям — своего рода «сенаторские ревизии»). Должность генерал-прокурора ликвидировалась («...понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешание чинить...»), однако при этом сохранялась должность куда менее влиятельного сенатского обер-прокурора, контролирующего порядок и законность в работе Сената.

Нелепо предположить, будто А. П. Волынской при этом руководствовался борьбой за личную власть — усиление Сената объективно ослабляло позиции кабинет-министра. Тем не менее на протяжении нескольких столетий неприятели масштабной личности Артемия Петровича старались с большим или меньшим успехом внедрить в сознание общества эту мысль.

В чем-то эти идеи Волынского были реализованы в период «дворянских реформ» Екатерины II.

Проект А. П. Волынского отражал интересы шляхетства и частично выражал ряд выдвинутых последним еще в 1730 году претензий на более широкое участие его в политической власти, но без республиканских крайностей.

«Экскузация» — своеобразное предисловие к читателям проекта, под которыми Волынской видел прежде всего кабинет-министров и сенаторов, весьма примечательна. Министр не только предлагал собственную внутриполитическую программу, не считая ее верхом совершенства, он приглашал к обсуждению выдвинутых им вопросов и других («и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверх что к изъяснению и дополнению, прошу в том потрудиться, и я на резонабельное буду склонен и сердиться и досадовать на то не стану»). Такое высказывание явно не вяжется с принятым нынче представлением министра Волынского человеком излишне амбициозным.

Как уже говорилось выше, в отличие от шляхетских проектов 1730 года проект Волынского уделял гораздо большее внимание положению духовенства. Он предусматривал обязательность его обучения («чтоб не ученых в попы не поставлять») не только с намерением улучшить духовное воспитательное влияние церкви на население, но и с целью поднять социальный престиж духовного сословия.

На последнее были рассчитаны и другие меры — например, улучшение материального положения приходского духовенства («чтоб им самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги»), а также намерение «в священнический чин вводить шляхетство». Предложение «убogie монастыри все превратить в сиропитательные дома, а монастыри чтоб довольны были, также и монахи» также свидетельствует о намерении отойти от антимонастырских тенденций «Духовного регламента» и улучшить материальное положение черного духовенства.

Волынской намеревался предпринять ряд шагов по реальной интеграции духовенства в «благородное сословие», приближающей его социальный статус к западноевропейским образцам, — все это, вероятно, обеспечило бы ему хотя бы психологическую поддержку не только шляхетства, но и российского духовенства. Характерно, что Кубанец, по его собственным показаниям, читал (очевидно, с санкции Волынского) «не-что из проекта» вологодскому архиерею Амвросию. Планируемая Волынским политика резко контрастировала с открытым ущемлением интересов православного духовенства в аннинское царствование. Даже композиционно проект Волынского был построен в соответствии с основными элементами сложившейся в России общественно-сословной структуры. Первые четыре части касались: армии; духовенства («о церковных чинах»); шляхетства и купечества. И, таким образом, будучи ориентирован на публичную его огласку (по показаниям Соймонова, Волынской говорил, что «будет то свое сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было»), предполагал апелляцию к широким слоям общества. Проект, таким образом, выходил за рамки обычной бюрократической записки и был ориентирован на удовлетворение запросов и интересов основных российских сословий, реализовывал их стремление к участию в политической жизни страны.

А. П. Волынской делал и конкретные практические шаги в этом направлении. 14 февраля 1740 года, одновременно с манифестом об окончании войны, был подтвержден манифест 31 декабря 1736 года об отставке шляхетства из службы и объявлено о вступлении его в силу; была декларирована отмена возврата переплаченного жалованья гражданским чиновникам, частичная амнистия за должностные преступления и заявлено о намерении простить часть штрафов по недоимкам. Все эти меры были приняты по неподписанному докладу одного из кабинет-министров, известному лишь в писарской белой копии. Стиль и лексика доклада, нехарактерные для Остермана, заставляют склоняться к предположению об авторстве А. П. Волынского.

3 марта 1740 года появился почти не замеченный в историографии указ императрицы о назначении сразу шести новых членов в Сенат: генерал-лейтенантов М. И. Леонтьева и М. С. Хрущева; генерал-майоров: И. И. Бахметева, П. М. Шилова, Н. И. Румянцева и М. И. Философова. Это было первое с 1730 года в аннинское царствование столь значительное расширение состава Сената, также явно отвечавшее интересам «генералитета и шляхетства», вполне соответствовавшее идеям проекта Волынского и, очевидно, принятое по его инициативе — во всяком случае, отнюдь не «с подачи» Остермана, откровенную неприязнь которого к Сенату формулировал в беседах с Волынским Черкасский: «Остерману... противно, что Сенат есть, хотелось бы ему, чтоб Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты для совещания; Остерман боится, что Сенат усилится, если в нем будет много членов».

Активная позиция А. П. Волынского в появлении столь важных правительственных актов и, возможно, в персональных назначениях свидетельствует о его достаточно сильных позициях во власти и о весьма значительном личном влиянии на императрицу. В конце марта 1740 года он эффектно выступил перед генеральным собранием против слишком щедрого возмещения польским землевладельцам за ущерб, нанесенный кампаниями 1738—1739 годов (этот эпизод послужил сюжетом знаменитой картине Якоби),

а на вопрос о причинах не поколебался заявить, что он противник обеспечения таким образом интересов Бирона в сохранении и укреплении им за собой Курляндского герцогства. «Только польский вассал согласится на вознаграждение, но никто, кому дороги честь и польза своего Отечества, не даст на то своего согласия!»

Эти успехи в новом витке политической борьбы были вряд ли достижимы без явной или неявной поддержки русских вельмож из бюрократической верхушки России. Речь не может идти о заговоре, но итоги ноябрьского процесса Долгоруких 1739 года, впервые с петровского времени закончившегося не опалой, тюрьмой и ссылкой, а казнью представителей знатного аристократического рода и снова напомнившего о событиях, связанных с ограничением самодержавия в 1730 году (подлинных инициаторов которого императрица снова пыталась выяснить в ходе этого нового дела), могли заставить многих представителей знати, участвовавших в шляхетском движении, подспудно содействовать Волынскому. Фельдмаршал Б. Х. Миних считал, что целью интриги было «удалить Бирона от двора». Кстати сказать, Миних, не будучи другом Артемия Петровича и являясь представителем «немецкой» партии, с глубоким уважением вспоминает о нем в своих записках. Опасность заставила сплотиться противников министра Волынского.

Французский посол маркиз Шетарди отмечал 23 февраля 1740 года явные проявления общественного недовольства: «...находят, что Россия недостаточно много выиграла в последнюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключенного ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости...» Дворянство не могла удовлетворять закончившаяся почти безрезультатно и стоившая огромных людских потерь (если учитывать ее короткий срок — куда более значительных, чем петровская Северная) русско-турецкая война 1735—1739 годов. Если за 53 «петровских» набора с 1699-го по 1725 год было взято в рекруты 284,2 тыс. человек, то всего за восемь наборов «аннинского» десятилетия — 276,5 тыс. Таков был основной итог «порядочного управления» — «бионовщины»! Объединившиеся Остерман и Бирон в разгар пасхальных торжеств в начале апреля 1740 года нанесли решительный удар по противнику, вылившийся в конце концов в «дело Волынского». Формальным поводом к аресту послужила жалоба В. Тредиаковского.

Интересно отметить, что этот выходец из бедной семьи священника, служащего в астраханской церкви, получил возможность широкого образования благодаря усилиям губернатора Волынского А. П., сумевшего открыть в этом городе несколько школ. Напрасно ссору Тредиаковского с кабинет-министром стремятся представить как наглядный пример жестокости последнего. Конфликт этот назревал давно, ибо придворный пиит в угоду своим покровителям систематически сочинял и декламировал оскорбительные для Артемия Петровича сатиры и, даже более того, тешил двор пантомимами, представляя обер-егермейстера Волынского в образе русака и намекая таким образом на «русскую партию». «Охота» на ее главу, по ходу действия и ужимкам Тредиаковского, оканчивалась неизменно гибелью «русака». Зная об этих выходках, нельзя принять укоренившийся ныне в сознании общества сценарий ссоры: «Тредиаковский не сочинил в нужный срок стихи и был наказан». Тредиаковский, несомненно, действовал в качестве руководимого провокатора — иначе как можно толковать такую ситуацию: в ответ на вопрос министра о стихах Тредиаковский не только не приносит извинений в своей забывчивости, но обрушивается с бранью на посланного за ним слугу Артемия Петровича и возмущается самим фактом предъявления к нему каких-то требований. На другой день после первой неприятной сцены Тредиаковский встречается с министром Волынским в приемной Бирона. На вопрос Артемия Петровича, «по какому делу здесь», Тредиаковский опять вместо раскаяния в намерении жаловать-

ся на министра временщику, совершает на глазах свидетелей очередную грубую выходку — демонстративно отворачивается от собеседника. Подобная манера поведения не вяжется с представлением о «тирански замученном, униженном, невинно пострадавшем» поэте, который «боялся мести» министра Волынского. Конечно, положение клиента Куракина никак не давало Тредиаковскому права столь грубо попирать нормы этикета, вероятно, он был научен действовать именно таким образом. Следуя осторожности историка Зезюлинского, повторим, «что конкретно произошло тогда нам не известно». Артемий Петрович признавался в том, что «вытолкнул в шею Тредиаковского из приемной в сени». Вероятно, какое-то телесное наказание грубиян получил, однако смешно серьезно рассматривать его жалобу, явно сильно преувеличенную. Пострадавший, избитый человек не сможет активно веселиться на маскараде, испытывавший шок, насмерть запуганный, не станет сочинять новые жалобы. А именно так пытается обрисовать ситуацию Тредиаковский. О каком «бесчеловечном увечье» может идти речь, если Тредиаковский дожил до старости, не страдал никакими серьезными заболеваниями, женился и имел детей, охотно участвовал во всех дворцовых увеселениях? Екатерина Великая, в отличие от современного читателя хорошо знавшая подобные нюансы, не придавала жалобе Тредиаковского никакого значения. Обесценивают этот документ и тот факт, что за приобщение его к «делу Волынского» Тредиаковский получил от Бирона более трехсот рублей, что превышало годовое жалованье секретаря «Академии де сиянс», и низкая нравственная характеристика Тредиаковского, которую он приобрел у своих современников. Помимо весьма повредившей ему ссоры с мучеником-министром, он многие годы вредил другому нашему просветителю — М. В. Ломоносову, держа сторону его противника по академии Миллера.

Одним из первых попытался привить русскому читателю иной взгляд на трагедию 1740 года Пушкин, усомнившийся, как бы обнаружение новых фактов (Пушкин смог указать только на факт ссоры с Тредиаковским) из жизни министра не повредило герою прославленного бестселлера «Ледяной дом». Но содержание письма к И. И. Лажечникову Пушкина никак нельзя считать исторической истиной. Оно объясняется чрезвычайной в те годы популярностью «Ледяного дома», известно, что А. С. Пушкин был не только весьма ревнивым супругом, но и таким же ревнивым сочинителем. Впрочем, даже он не смог найти у романа иных слабостей, кроме неправильной, на его взгляд, трактовки образов придворного пиита и Бирона. «Тредиаковский в этом деле мученик», — писал он в защиту своего собрата по перу и против деда своего крестного отца (крестил Пушкина внук Артемия Петровича — Артемий Воронцов). По меньшей мере, странное изречение — «дело» для Тредиаковского кончилось несколькими синяками, а для министра Волынского страшными истязаниями дыбой, кнутом и прочими ужасами застенков Тайной канцелярии, переломанной рукой, вырванным языком, наконец, четвертованием... Так кто же здесь мученик?!

Лажечников великолепно парировал удары Александра Сергеевича, но эти тексты редко цитируемы: «...добросовестно изучил я главные лица моего „Ледяного дома“ на исторических данных и достоверных преданиях. В ответе моем я горячо вступился за память моего героя, кабинет-министра Волынского, который, быв губернатором в Астрахани, оживил тамошний край, по назначению Петра Великого ездил послом в Персию и исполнил свои обязанности, как желал царственный гений; в Немирове вел с турками переговоры, полезные для России, и пр. и пр. На Волынского сильные враги свалили преступления, о которых он и не помышлял и в которых не имел средств оправдать себя. Пушкин указывает на дело, вероятно, следственное. Беспристрастная история спросит, кем, при каких обстоятельствах и отношениях оно было составлено, кто были следователи? На него подавал жалобу Тредьяковский — и кого не заставляли подавать на него жалобы! Доносили и крепостные люди его, белые и арапчон-

ки, купленные или страхом наказания, или денежною наградой. Впоследствии один сильный авторитет, перед которым должны умолкнуть все другие, читавший дело, на которое указывает Пушкин, авторитет, умевший различать истину от клеветы, оправдал память умного, благородного министра...» Последняя фраза относится к Екатерине Великой. В другом месте о Тредиаковском: «от уважения к его личности да избавит меня Бог!» О поступке министра Волынского в отношении Тредиаковского: «Если Пушкин приписывает духу времени и нравам народа то, в чем они совсем не повинны, что никогда не могло быть для них потребностью (Пушкин попытался объяснить жестокости „бионовщины“ „духом времени и народа“) почему же не сложить ему было на дух и нравы того времени поступка Волынского с кропателем стихов, который сделался общим посмеянием...» Как видим, Александр Сергеевич применил к героям романа Лажечникова двойные стандарты. Далее автор «Ледяного дома» пишет: «Привожу здесь этот рассказ, потому что от меня требуют доказательств... Вот слова Ивана Васильевича Ступишина (лица, весьма значительного в свое время и весьма замечательного), умершего девятидесятилетним старцем, если не ошибаюсь, в 1820 году: „Когда Тредьяковский являлся с своими одами... то он всегда, по приказанию Бирона, полз на коленях из самых сеней через все комнаты, держа обеими руками свои стихи на голове; таким образом доползая до тех лиц, перед которыми должен был читать свои произведения, делал им земные поклоны. Бирон всегда дурачил его и надседался со смеху“». Вот от какого лица влиятельный министр должен был кротко переносить пестрящие ненормативной лексикой сатиры! Несмотря на «увечья», от которых Тредиаковский «ожидал себе кончины» и которые просил освидетельствовать, отказался ли он писать дурацкие стихи на дурацкую свадьбу? Нет, он все-таки написал их и даже прочел, встав с «одра смерти». Далее Лажечников говорит: «Со всем уважением к памяти Пушкина скажу: оправдание Бирона почитаю непостижимою для меня обмолвкой великого поэта. Несчастье быть немцем?.. Напротив, для всех, кто со времен царя Алексея Михайловича посвящал России свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхождение не было несчастьем... услуги их, соединенные с истинным добром для нас, всегда награждались и доброю памятью о них. Что ж заслужил Бирон от народа? Не за то, что он был немец, назвали его время бионовщиною; а народы всегда справедливы в названии эпох. Что касается до великого ума и великих талантов его (А. С. Пушкин выразился именно так: „великий ум, великие таланты и дела Бирона“, но не смог привести ни одного подтверждения своему мнению), мы ждем им доказательств от истории. До сих пор мы их не знаем». Спустя 200 лет историческая наука ничего не может возразить на этот довод И. И. Лажечникова. Каков бы ни был талант Александра Сергеевича в области поэзии, его подход к данной теме никак не может быть назван «историческим исследованием», как обычно привыкли его именовать в современной нам публицистике. В гораздо большей степени беспристрастным историком выступает в этой полемике И. И. Лажечников. Однако, анализируя труды большинства историков, приходится удивляться странной закономерности: факты, подтверждающие высокие моральные качества министра, принято считать «романтизацией» его образа, а не выдерживающие аргументированной критики обвинения в его адрес, — «историческим подходом к исследованию». Складывается впечатление, что и сегодня, спустя 280 лет, противостояние «русской» и, условно говоря, «курляндской» партии продолжается, и глава первой имеет не менее врагов, чем при жизни.

И как резюме свидетельство неспорченного «модой на умы» (словами фонвизинского героя) взгляда писателя: «Мы привыкли верить, что черное черно, в жизни ли оно человека или в его сочинениях, и не ухищрялись никогда делать его белым, несмотря ни на предков, ни на потомков. Мы привыкли смеяться над топорными переводами и стишками собственной работы Василия Кирилловича, как смеялись над ними совре-

менники; нам с малолетства затвердили, что при дворе мудрой государыни давали читать их в наказание». Как не вспомнить тут о печальном факте «переписывания истории», так часто имевшем место в последние столетие!

Но вернемся к событиям 1740 года, к «делу Волынского».

Этот неблагоприятный в истории русского сыска процесс распадается на два этапа.

Во время первого (13–20 апреля 1740 года) Артемий Петрович оставался под домашним арестом, а дело ограничивалось следствием, веденным состоящей преимущественно из сенаторов широкой комиссией по жалобе Бирона, главным объектом которой была «петергофская записка» 1739 года, якобы умалявшая честь и достоинство государыни. Потрясенный тяжестью обвинений, Артемий Петрович досадовал на погубившие его надежды «на свое перо, что писать горазд». Реакция его вполне понятна: квалификация процесса как дела «о государственной чести и достоинстве» переводила его в разряд тяжких государственных преступлений, уже грозивших подследственному гибелью. На этой стадии организаторы процесса хотели прежде всего дискредитировать министра в глазах императрицы. Из показаний доверенного человека Волынского В. Кубанца (выкrest-татарин, взятый в дом еще мальчиком во время астраханского губернаторства Волынского, хозяин полагал Кубанца «человеком совестливым» и вывел в люди) выяснилось, что кабинет-министр выступал против династических планов Бирона и критиковал самого герцога, но самое главное — позволял себе при чтении жизнеописаний Клеопатры и Мессалины у Юста Липсия неосторожные и иронические замечания в адрес правящего женского пола: «весь род их таков», что, по словам доносчика-слуги, «весьма Высокой Персоне Вашего Величества противно». Сыграв на оскорбленном женском самолюбии Анны Иоанновны, организаторы вызвали перелом в ходе процесса и перешли к подготовке гибели А. П. Волынского не только, как политика, но и частного лица, тем более что и само по себе произнесение «непристойных слов» переводило дело в компетенцию Тайной канцелярии и грозило по петровскому «Артикулу воинскому» смертной казнью.

Во время второго этапа процесса (22–23 апреля — 19 июня 1740 года) Артемий Петрович был отправлен в Петропавловскую крепость, следствие было передано в Тайную канцелярию и поручено узкой группе лиц: близкому к Бирону А. И. Ушакову, а также «креатуре» Остермана И. И. Неплюеву, секретарем при которых был открытый враг Волынского А. Яковлев. Только тогда были арестованы основные (кроме А. Ф. Хрущева, арестованного раньше) «конфиденты» Волынского. Еропкин был допрошен 28-го, Соймонов арестован 30 апреля, Суда — 27 мая, Мусин-Пушкин — 31 мая 1740 года.

Именно на этой стадии в отобранном у Волынского 23 апреля «Генеральном проекте» и в его отдельных неосторожных фразах начали искать доказательства государственного заговора. Но немногие и весьма шаткие свидетельства в его пользу были найдены даже не в конкретных словах Волынского, когда-то оброненных в беседах с «конфидентами», а в предположениях Кубанца, что его хозяин намеревался разгласить свои проекты и рассуждения в народе и «сделать свою партию», лаская офицеров гвардии. Это, а также резкие отзывы Волынского об императрице («государыня у нас дуря») привели к тому, что 18 мая Анна Иоанновна отдала приказ пытать «конфидентов», а 21 мая — и самого А. П. Волынского, однако и пытки не дали никаких реальных доказательств государственного заговора: следствие даже запуталось во взаимоисключающих обвинениях в попытке Волынского сделать себя «государем» и в стремлении его же к «республике». В результате доказательства принялись искать в самом тексте «проекта», но и там дающих для этого основания мест оказалось немного.

Основное внимание было обращено на две части проекта. Во-первых, на предисловие к читателям, дававшее самые минимальные поводы для истолкования его почти как манифеста с обращением к «мятежному» шляхетству. И хотя Артемий Петрович упорно утверждал, что проект не имел иных адресатов, кроме государыни, кабинет-ми-

нистров и сенаторов, в «экскузации» столь же упорно видели доказательства скрытых «республиканских» намерений и настроений Волынского. Императрица пугалась призрака шляхетского движения, аналогичного движению 1730 года, воспоминания о котором были оживлены законченным лишь полгода назад «делом Долгоруких». Во-вторых, на историческую часть как на повод для столь же натянутых обвинений в намерении А. П. Волынского сделаться государем. Доказательства видели в декларации Волынским своего родства по женской линии с княжившими в XIV веке московскими Рюриковичами. Обвинение при этом не приводило конкретных фрагментов самого текста проекта.

О степени популярности министра А. П. Волынского как политического лидера и обеспокоенности правящих кругов можно судить по фактам того, что в разгар «дела Волынского» 23 апреля 1740 года был издан указ о срочной выплате денег из Монетной канцелярии на Конногвардейский и Измайловский гвардейские полки; 25 и 26 апреля 1740 года появились указы о незаписывании впредь без доклада императрице на вакантные места в Преображенский и Семеновский полки, продиктованные попыткой усилить контроль за составом гвардии (в те годы почти сплошь состоящей из лиц курляндской и ливонской наций); 26 апреля 1740 года был отменен штрафной двойной платеж недоимки, введенный во время войны; 26 апреля 1740 года резолюцией императрицы на докладе Военной коллегии был разъяснен и уточнен порядок отставки шляхетства от службы по силе манифеста 31 декабря 1736 года; 29 апреля 1740 года на расширенный всего два месяца назад Сенат была накинута надежная «узда» восстановлением должности генерал-прокурора, которым был назначен Н. Ю. Трубецкой (один из прежних приятелей опального министра, теперь долженствующий оправдать свое освобождение от следствия).

Какое явное различие с обстоятельствами ареста в ноябре того же года «талантливого» (по Пушкину) Бирона! Несмотря на убеждение последнего в любви к нему русского народа, который он откровенно презирал (свидетельства английского резидента Рондо, Манштейна и иных лиц двора), несмотря на повторяемую Бироном самонадеянную фразу «Я могу спокойно лечь спать между бурлаков», арест временщика не потребовал малейших политических приготовлений, никаких затрат на «покупку» лояльности гвардии или государственных сановников, ликование в народе (свидетельства очевидцев, в том числе представителей «немецкой» партии) было велико и сопоставимо только с большим праздником.

Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты», несмотря на отсутствие доказательств их вины, 19 июня были осуждены Высшим судом из основных представителей русской шляхетской бюрократической верхушки (в числе которых были и доверенные слушатели «Генерального проекта») и 27 июня 1740 года бесчеловечно казнены.

Это была вторая за время царствования открытая массовая казнь представителей российского шляхетства, однако основанная (в отличие от процесса Долгоруких 1739 года, виновных в действительном политическом злодеянии — сочинении подложной «духовной» Петра II) на надуманных обвинениях. Главными ее виновниками были Остерман и Бирон. Первый полностью признал себя виновным в вопросе преследования и убийства министра Волынского. Признание это, в отличие от многих показаний подследственных «конфидентов» Артемия Петровича, заслуживает доверия, ибо не было вырвано мучительными пытками.

Несмотря на множество диссертаций на тему «дела Волынского», до сих пор нет четкого ответа на вопрос, что же стало его действительной причиной. Некоторым новым выводам может послужить сопоставление следующих фактов: одним из первых учителей А. П. Волынского был монах ордена иезуитов, орден этот, как известно, главной целью своего создания и деятельности ставил борьбу с масонскими ложами, начало распространения последних в России приходится на 1730—1740-е годы, по име-

ющимся свидетельствам (воспоминания врача Джона Белла и др.), Артемий Петрович на протяжении всей жизни поддерживал связь с представителями ордена иезуитов, встречался с монахами ордена в Персии, Польше, России, о каких предметах шла речь во время этих встреч — неизвестно, после 1740 года активность масонов на территории России возросла, Екатерина Великая, прилагавшая много усилий для искоренения масонства в России¹, чрезвычайно высоко ценила заслуги Артемия Петровича Волынского. Следуя логическим заключениям из вышесказанного, можно предположить, что трагическая судьба министра А. П. Волынского имеет более глубокие основания, чем представлялось ранее. Если это предположение верно, «обмолвка» великого поэта относительно «дел и ума» Бирона может объясняться пристрастиями «братьев-каменщиков» (известно, что А. С. Пушкин, как многие его современники, принадлежал масонской организации). Автор данного рассуждения далек от мысли обвинять Александра Сергеевича, просветителей Новикова, Шувалова и многих иных членов братства во всех масонских грехах, но это несколько не делает их свободными от принятых в ложах трактовок нашей истории и ее лиц. Если министр Волынской был противником «всемирного братства», становится понятным теплота отношения «братий» к Бирону: «Враг моего врага — мой друг». Разумеется, в масонские ложи (как позже — в структуры тоталитарных организаций) вступали в большинстве случаев люди, далекие от истинных планов «братий высшего посвящения». Карьера, тайна, разочарование и потеря духовных ориентиров, корысть, сведение счетов, желание слыть современным, принадлежать определенным кругам в свете, мода, а в некоторых случаях стремление сохранить жизнь — самые разные мотивы приводили и будут приводить людей в политические или религиозные объединения. Не затрагивая исследования темы масонства, отметим такую деталь: ни А. П. Волынской, ни М. В. Ломоносов, ни И. И. Лажечников масонами не состояли.

В сознании большинства наших современников исторические и духовные ориентиры и ценности носят весьма условный, размытый характер. Такие диаметрально

¹ В 1740 году английская Великая ложа назначила гротсмейстером для России генерала, состоящего на русской службе, Джеймса Кейта. Это событие некоторые источники полагают рождением русского масонства. Екатерина Великая во вторую половину своего царствования успешно выводила членов масонских лож из своего окружения. «Пришло мне на ум, чтобы при случае, кстати и у места, в каком ни есть публичном манифесте, например публичного объявления мира или чего подобного, желав народу в благополучном состоянии воспользоваться дарованною от Бога новою благодатью, чтоб молвлено было от меня, что за долг почитаю верно-любезный народ остерегать от прельщения, выдуманного вне наших пределов, под названием разного рода масонских лож и с ними соединенных мартинистских иллюминатов и других мистических ересей, точно клонящихся к разрушению христианского православия и всякого благостройного правления, а на место оного вводящих неустойство под видом несбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства...» (из письма Екатерины Великой к графу Безбородке, в «Сборнике Имп. Русск. Историч. Общества». XLII, 133, 134). Что и было исполнено. Только смерть государыни остановила от похода на революционный Париж корпус Суворова, остановила гибель главной на то время «кузницы» масонского движения. Когда все было подготовлено к вторжению во Францию, было получено сообщение о скоропостижной смерти в марте, одного из главных вдохновителей военной монархической коалиции австрийского императора Леопольда II. Через 15 дней на балу в Стокгольме был убит и другой инициатор похода на французских якобинцев — шведский король Густав III.

«В правящих кругах тогдашней Европы, — замечает М. М. Штрэнге, автор книги «Русское общество и французская революция 1789—1794 гг.», — многие думали, что виновниками этих двух убийств (тогда считали, что австрийский император был отравлен) были якобинцы». Нет никакого сомнения, что эти убийства были организованы якобинцами-масонами. «Распространился слух, — пишет А. М. Грабовский в «Записках о Императрице Екатерине II», — что французские демагоги рассылали подобных злодеев для покушения на жизни государей». В апреле было получено секретное сообщение из Берлина о том, что в Россию выехал француз Бассевиль «с злым умыслом на здоровье ее величества». Обнаружить Бассевиля полиции не удалось.

противоположные в своей устремленности (не только в сфере политической, но и частной, в области нравственной, вопросах чести и порока) личности, как Волынской, Бирон и Остерман, трактуются как не поладившие из-за своих мелких интересов вельможи. Чтобы опровергнуть такую точку зрения, можно представить множество фактов, не затронутых выше, но я упомяну только еще об одном: кабинет-министр Остерман был едва ли не первый в истории русского государства сановник, переведший на счета английского банка огромную сумму, утерянную навсегда для русской казны (несмотря на неоднократные попытки императрицы Елизаветы вернуть ее), кабинет-министр А. П. Волынской примерно в это же время призывает своих коллег «разорить» винные заводы (будучи владельцем некоторых из них), чтобы раздать хранящееся на них зерно неимущим крестьянам.

Нередко в одном и том же государстве и даже городе можно встретить памятники как жертвам, так и их палачам, а несуразность такого явления обычно объясняется туманным определением «это наша история». Истинная же причина тому не наша история, а наша беспринципность. История имеет своих героев и своих антигероев, первые должны быть прославлены, а вторые — подвергнуты презрению. Только так страна может обрести свою национальную идентичность, славу и величие, которые так много значили для верных ее сынов, для министра Артемия Петровича Волынского.

Литература

Курукин И. Артемий Волынский. Молодая гвардия, 2011.

Жизнь Волынского, его заговор и смерть. Депеши прусского посланника при русском дворе барона Акселя фон Мардефельда 1740 года.

Лаврентьев А. В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода князь Бобр-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовой битвы в России первой половины XVIII в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013.

Петрухинцев. Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Волынского.

Бушуев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1717. Главное издательство восточной литературы Наука, 1978.

Корсаков Д. Л. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк, 1877.

Анисимов. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в., 1999.

Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России. Переписка Артемия Волынского с прикащиками (1735 г.). Университетские известия, 1909.

Глушкова О. А. Русский дипломат А. П. Волынский. Дипломатический вестник, 1992.

Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776.

Зезюлинский. Материалы для биографии кабинет-министра Анны Иоанновны Артемия Волынского.

Жизнь и приключения Болотова Андрея Тимофеевича, описанные им самим для своих потомков. М.: Терра, 1993.

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Правда, 1966.

Писемский А. Поручик Гладков. Искусство, 1958.

Авенариус В. Два регентства. Под немецким ярмом. Русское слово, 2008.

Лажечников И. И. Ледяной дом. Лениздат, 2013.

Готье Ю. В. Проект о поправлении государственных дел А. П. Волынского. Дела и дни, 1922.

Полежаев П. В. 150 лет назад Бирон и Волынский. Исторический роман времен Анны Ивановны. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1893.